

К критике установки Всеединства

Заметка

Прекрасная вещь — любовь к Отечеству,
но есть ещё нечто более прекрасное —
это любовь к Истине.

П. Я. Чаадаев.

— Доколи будем мучиться, протопоп?!

— До самой смерти, матушка.

Прот. Аввакум Петров.

И пусть недвижим паралитик,
Он видит события дня
В которых какой-то политик
Играет в тебя и в меня.

Н. В. Панченко.

Недалёкие умы вполне искренне полагают, что всякий производственный брак есть не более, чем голая случайность, которую всегда может выявить и отсеять намётанный глаз надзирающего. Они не в состоянии принять той простой истины, что большая часть разнообразных техногенных аварий происходит, согласно статистике, как раз из-за пресловутого «человеческого фактора», т. е., в последнем счёте, из-за замылившегося глаза того самого надзирающего. Ибо этот надзирающий всегда обладает большей степенью свободы, чем вверенная его надзору техника, даже если это — свобода бездействия, ошибочно принимаемая, например, в силу усталости, за свободу продолжать успешно начатое дело. Будучи защитной реакцией организма на усталость, эта подмена в субъективном восприятии действительного желаемым стала возможна не только из-за усталости как таковой, но также и по причине внешней взаимозаменяемости разных (обычно, смежных) стадий всякого, логически достаточно сложного, процесса, — при том, что сил докапываться до внутренних различий сих стадий уже не осталось.

А это как раз и означает, что во всяком достаточно сложном процессе случайность выступает формой проявления необходимости, поскольку этот процесс невозможен без участия в нём наблюдателя, обладающего свободой, данной как априорная логическая взаимозаменяемость (пусть даже поверхностная и оттого — ложная) стадий процесса.

Попытка усовершенствовать наблюдателя до возможности полного надзора над процессом всегда будет походить на игру щенка с собственным его хвостом. Ибо никакой уровень свободы (das Macht) не в состоянии полностью исключить возможность ошибки, порождённую той сложностью целого, в силу которой этот уровень только и может быть достигнут (nur verwirklichen kann). Ведь если, в результате развития, какая-либо вещь обретает способность к самопочинке и, шире, — к самодвижению, сиречь становится живым

На правах рукописи
существом в глубинном понимании § 30 «Богословии» Прокла Диадоха¹, то сама вещь эта становится наблюдателем в отношении своей среды, стремясь придать уже ей способность к самопочинке и этим самым поручить ей часть собственной ответственности, не вполне осознанно отдавая вместе с тем и часть свободы. В итоге, сей причинно-следственный ряд, будучи отражением самонатягивающегося процесса роста веллеровой энергопереработки в міроздании, не может быть завершён по причине насквозь энергийной природы самого міра, а проще выражаясь, из-за того, что мір в целом есть существо живое. Выражаясь строже, указанный ряд, уходя в бесконечность, не может быть завершён линейно, т. е. с сохранением на всём его протяжении тождества субъекта и тождества временной мерности (ведь именно таков первоначальный, чуть ли ни чисто бытовой, смысл греческого слова «rhythmós»), завершаясь только в трансцендентальном понятии (Begriff und eídos) Вечного Возвращения, где время есть лишь мерное колебание абсолютной сплошности міра — an sich уже полностью трансцендентной для людского представления (für menschen Verstellung). Пишу: «в трансцендентальном», ибо всякое аналитическое (в узко-кантовском смысле) суждение, в силу того, что всякая вещь есть что-то одно (én), а не иное, представляет собой кратчайший круг в доказательстве (circus in permissio), без чего это доказательство или уходит в бесконечность простую, оставив

1 Важнейший для всякой серьёзной онтологии § 30 прокловой «Богословии» даю в моём уточнённом переложении: «Живым именуется то, что постоянно несёт причину своего движения в себе самом, а не получает её извне». И чего бы не касалась жизнь в столь широком смысле, она, подобно радже из индийской сказки, в руках которого, что бы тот ни взял, всё превращалось в золото, всё стремится, в конце концов, сделать живым. Ведь основное качество жизни, по утверждению, в частности, отца русской кибернетики П. К. Анохина, — предсказуемость. В силу чего, жизнь сперва стремится поставить под свой надзор всё, до чего ей удалось дотянуться, а потом, когда поставленное разрастается так, что дотянуться до его краёв становится трудно, предоставляет этим краям право самонадзора и, значит, самодвижения. Следовательно, по достижении некоторого уровня ветвления целого неизбежен, сообразно закону больших чисел, рост Воли к Безответственности, поскольку налицо временное ослабление всякого надзора за последними краями сего целого. В общем, свои, при таком раскладе, выступают следствием кризиса выхода целого в каком-либо важном свойстве его за свои начальные качественные границы. (Слово «krísis» означает по-гречески «суд»; «судный день», что полагает границу всей предшествующей ему жизни подсудимого. Отсюда — «kritiké», сиречь суждение, ограничивающее применение какого-либо правила или новшества). Ярчайшим доказательным примером служит здесь естественно-исторический факт появления спинного мозга. Динозавры, у которых этот мозг впервые появился, были столь огромных размеров, что пока нейронный сигнал об укусе в кончик хвоста достигал головы, хвост уже успевали откусить. По этой причине, когда произошла мутация, из-за которой посреди долгого пути сигнала образовался мозг более узкого применения, нежели головной, eídos динозавра сразу же (по меркам естественной истории, разумеется) усвоил новшество, справедливо сочтя его весьма полезным. Однако, до тех пор, пока данная мутация не произошла, хвост этому виду ящеров можно было откусывать почти что безнаказанно!

На правах рукописи понятие (Begriff) о своём предмете не замкнутым, или уходит в дурную бесконечность, оставив своё понятие недоверным, а мыслящего — недоумевающим, из-за наличия в таковом круге лишних составляющих — à la Папанин в знаменитой питерской байке о безуспешной сборке им собственного маузера.

Кругозор же того, кто не понимает совершенно закономерного характера незавершимости усовершенствования наблюдателя навеки ограничен лишь ближайшей перспективой.

Вечное Возвращение менее всего утешительно в качестве религии, поскольку в отношении всякой вещи (за вычетом мира в целом), как чего-нибудь одного, большинство действий, будучи чем-либо иным, — не полезны, но или вредны, или, по меньшей мере, нейтральны. То есть переводя рассмотрение в моральную плоскость, надлежит с полным основанием утверждать, что в отношении всякого определённого целого как такового, объём зла или равнодушия всегда а priori больше объёма добра собственно. Вечное же Возвращение сохраняет такое положение дел навечно, не обещая пострадавшим никакого возмещения ущерба даже в отдалённом грядущем. Нейтральное, правда, можно тоже приплюсовать к разряду полезного, поскольку оно не мешает вещи существовать. Однако, даже сильному этого «не мешает» хватает, по гамбургскому счёту, лишь на то, чтоб просто выжить, но никак не на то, чтобы жить на широкую ногу. И каждый подъём на более высокий, чем прежде, уровень свободы всегда в конечном счёте, повышает опасность неисправимой (в пределах, разумеется, ныне идущего круга Вечного Возвращения) ошибки, — в полном подобии тому, как увеличение объёма мозга у человеческого плода сделало естественные (без применения кесарева) роды крайне опасными и тяжёлыми как для матери, так и для младенца, ввиду предельного уменьшения зазора между ещё не полностью окостеневшим черепом последнего и стенками родового канала. Именно, если у всех прочих млекопитающих плод более-менее свободно «выкручивается» из родового канала по спирали, то у человека он крайне медленно и с величайшими усилиями выползает оттуда по прямой. А вместе с опасностью неизбежно растёт и ответственность...

Но из вышеизложенного следует, что всё возрастающая ответственность не будет восприниматься как непосильная ноша лишь при условии страстной привязанности к её цели («любовь долготерпит», ибо всегда видит свой предмет сквозь розовые очки); а так как страсть по отношению к совокупному времени жизни есть, в огромном большинстве случаев, за исключением особо сильного материнского инстинкта или религиозного умопомешательства, лишь аффект, т. е. единовременная вспышка воли, то такая ответственность, вместе с присущей ей свободой, будет непременно поручена невольнику (рабу ли, роботу ль — безразлично). Сперва, конечно, невольнику поручат всякую

На правах рукописи
однообразную рутину, поскольку её цель, очевидно, находится вне неё, после же ему поручат и умственно труднейшее, поскольку усмотрят, что цель последнего постоянно ускользает от субъекта, как горизонт — от путника. Ведь безпристрастный разум видит суету решительно во всём, иначе бы М. Хайдеггер ни за что не стал бы утверждать, будто единственным оправданием многочисленных горестей жизни выступает красота, т. е. начало не столько логическое, сколько поэтическое. Но!.. Жить ненавистью можно ничуть не в меньшей мере, нежели любовью или переживанием красоты... «О, если б ты был холоден или горяч! Но [так] как ты тёпл, изылюю тебя из уст Моих». Надобно, правда, отметить, что ненависть, как и всякое отрицание, в долгосрочной перспективе сугубо разрушительна. Но, будучи аффектом, она очень редко сохраняет необходимую для такого разрушения убойную силу, если только не подогревается вторично чем-нибудь посторонним в отношении основной её причины, точнее, — основного повода. Добавлю мимоходом: на протяжении всей истории человечества вторичный подогрев не только ненависти, но и большинства аффектов вообще, сплошь и рядом использовался в качестве орудия борьбы за власть тиранами всех мастей и рангов, жрецами всех верований, а также порнодельцами.

Вот почему крупно ошибается тот, кто думает, что сверхчеловек Ницше — нигилист. Нигилист это всегда — циник мелкотравчатый, не более. Сверхчеловек же, по причине избытка энергии, напротив, в глубине своей есть романтик чистой воды, т. е. деятель, по-донкихотски одержимый какой-нибудь отвлечённой и оттого не вполне отчётливой идеей, всегда помогающийся, из-за этой одержимости, приключений на свою задницу («духовное приключенчество» — так определил в своё время Георг Гегель суть любого романтизма). Романтик в конце концов всегда проигрывает начатую им войну, поскольку не будучи в состоянии полностью определиться с её целью, соответственно, не может и верно оценить силу препятствий на пути к ней. Только воспалённый разум (Vernunft) Ницше мог вообразить, будто такое, возведённое в скверный обычай, недомыслие может стать панацеей ото всех порождённых нигилизмом бед истории. На самом деле, не романтики и уж тем более не мелкотравчатые циники делают всё разумное в истории, но всевозможные формы равнодействующей той и другой мировидческой крайности, присутствующие как в душе (Gemüt) индивида, так и в обществе, каковую равнодействующую Георг Гегель поэтично называет «хитростью мирового разума (der Weltgeist)». И то, что, по выражению Омара Хайяма, «всё не по-нашему вращается кругом», свидетельствует лишь о принципиальной узости всякого частного кругозора, а никак не об отсутствии логики в развитии мира. Ибо разнообразие частных интересов, всегда выступающее, по Гегелю, причиной этой ограниченности, определяется той именно разницей точек зрения между, например, мною и всяким другим, что, ещё прежде интересов субъекта, определяет его кругозор.

Если романтизм огромного большинства правых это всегда — простое ретроградство, что есть, по меткому выражению Государя Николая I, попытка «перескочить из среды в понедельник» (об этом достаточно неплохо написал покойный У. Эко в своих XIV тезисах об ур-фашизме, чтобы здесь ещё раз вдаваться в подробности), то романтизм левых всех оттенков столь же всеобъемлюще сводится к указанным в начале данной заметки тщетным потугам создать совершенного надзирающего. Ибо, что бы ни декларировали левые, они всегда будут рассматривать любую случайность сугубо механически и отвлечённо, т. е. именно как случайность *an sich*, а не как действие зазора, сущего внутри становления (*tó méon*) всякого подлинно сложного целого. Ведь только благодаря зазору находящиеся по соседству схожие части этого целого (например, шестерёнки в механизме зубчатой передачи) могут свободно двигаться, не выпадая, при этом, из состава целого и не сливаясь в сплошность. И даже ведя речь о физическом поле, надлежит отметить: участок с пренебрежимо малой частотой колебаний выполняет здесь ровно ту же роль промежутка для обеспечения членораздельности внутренне подвижного целого, что и зазор в ньютоновой механике. Несколько иначе дело обстоит со временем. Здесь роль зазоров выполняют сравнительно долгие, но куда менее бойкие, чем моменты перехода вещи в новое качество, промежутки накопления количественных изменений; чередование же долгот сих промежутков и моментов задаёт временную мерность причинно-следственного ряда в целом.

Ни эта ли недооценка роли зазора в становлении сложного, а значит, и самого сего становления, будучи первопричиною левого романтизма, лежащего в основе техно-коммунистической утопии, постоянно губит на корню установку Всеединства, непосредственно лежащую в основе уже особого русского представления о свободе и справедливости? Ибо и свобода, и справедливость мыслятся тут как нечто всецело сплошное и совершенно всеобъемлющее и потому бывает затребованно в полном объёме, безотлагательно. Не получив даже бледного подобия требуемого, что, под вывеской «симфонической соборности», способно-таки временно создать правительство, русский человек с отчаяния запивает горькую, с головой уходит в религию (часто в изуверскую секту), ворует и берёт взятки прежде всего из презрения к слабому, по его мнению, правительству, ударяет в самые лютые внутрисемейные склоки, зачастую переходящие в прямой мордобой, и столь же лютые мятежи против правительства и официальной идеологии — короче, ведёт себя так, будто справедливость и свобода общества в целом и его членов по отдельности — вовсе не дело рук и голов человеческих, но какое-нибудь раз и навсегда готовое, не подвластное человеку, явление природы, вроде всемирного тяготения. Даже порядком пожив на Западе и повидав воочию успехи его (о его пороках я здесь, за ненадобностью, умолчу),

На правах рукописи становясь обычно бóльшим либералом (в самом широком смысле), чем сами люди Запада и требуя, соответственно, уничтожения всего особого в укладе русской жизни, русский подспудно, не осознавая того, воспринимает уже самый либерализм как нечто появившееся на свет божий сразу в полном вооружении, в совершенном подобии тому, как, согласно греческой мифологии, появилась из головы Зевса Афина Паллада, — т. е. опять-таки в образе неизменного в целокупности своей природного явления! И ворует наш либерал и берёт взятку больше и азартнее прочих своих соотечественников оттого, прежде всего, что либерализм он принял слишком близко к сердцу именно в наиболее завершённой, нигилистической его форме, а не оттого лишь, что среди предков отечественного либерала, как правило, присутствуют евреи, коих ещё великий И. Кант не без веского основания считал «нацией мошенников».

На вряд ли столь последовательная установка Всеединства пришла на Русь вместе с принесённым православными греками платонизмом; скорее всего она есть продукт сурового климата русской равнины, соотнесённого с её необъятностью, что всегда оставляла немалую вероятность успешного бегство крепостного, до полусмерти замордованного самодуром-баринном, равно как и сам самодур имел всегда не меньшие шансы укрыть свои безчинства от зоркого царского ока за бездорожьём этих пространных и известная история Салтычихи, пожизненно посаженной Екатериной Великою в яму за изуверство и душегубства, тут скорее исключение, нежели правило, — тогда как православие просто нашло в этой установке достаточно благодатную почву. Но точно также эта установка стала со второй половины XIX века благодатнейшей почвой для философии русского космизма (без преувеличения, самый оригинальный и ценный вклад отечественных мыслителей в копилку мировой философии!), выступив, таким образом, отправной точкою безпримерных дерзаний и успехов русской космонавтики советского времени. И до-нельзя метко говорит у Горького, в «Жизни Клима Самгина», о русских купеческий сын Лютов: «...мы — не умствуем, а — мечтаем во всю силу зверства природы». Наконец, самая неопытность и колоссальные природные богатства русских просторов воспринимаются русским сознанием как некая извечная *conditio sine qua non* всего уклада общественной жизни народа, т. е. одной из опор Русского мира, что обуславливает недостижимый для большинства европейских народов уровень стойкости и единения русских в годы отечественных войн.

В общем, можно достаточно обоснованно предположить, что, так как установка Всеединства есть краеугольный камень всего русского мировиденья, её окончательное исчезновение из русского сознания ознаменует собою конец России в качестве полностью независимой державы, с последующим полным растворением её культуры либо в постхристианском нигилизме Запада, либо, ещё вероятней, в осторожном ретроградстве Дальнего Востока. Ибо, подобно

На правах рукописи
всякой другой форме романтизма, доходящей до предела своего развития в той или иной определённой технологической или же ретроградной утопии, последовательная установка Всеединства — а минувший Совдеп это отнюдь не единственно возможная вариация на тему утопии, в оскве которой лежит она («мы — нация победителей» и всё такое...)! — когда-нибудь неизбежно затребуется несбыточного и, либо сравнительно тихо исчезнет сама, унеся в могилу лишь своих непосредственных носителей, либо оглушительно взорвавшись, погребёт под обломками той утопии весь мир... При очень нежелательном для наших властьпредержащих, но, похоже, неизбежном, выборе между неминуемым взаимоуничтожением с одной стороны, и предельно жёстким Kanzlerakt'ом — с другой, что будет выбрано? Почти не сомневаюсь, — Kanzlerakt². Поручкою тому — события 53-го года... Впрочем, левого романтизма с лихвой хватает и в теоретической стороне нигилистического либерализма, ныне de facto уже неотличимом от социал-демократии и, частично, от троцкизма (идея необходимости мировой революции³), точнее,

2 В этом месте недоброжелатели России обычно намечают её распад на отдельные области. На самом деле такой оборот событий не выгоден никому, поскольку наделённые величайшими природными богатствами сибирские земли, не будучи в состоянии, при почти полном отсутствии образованного общественного слоя среди местных аборигенов, удержать действительную независимость, вскоре de facto отойдут к соседним сверхдержавам, мгновенно подняв тем самым выше всякого разумного предела тамошний уровень взяточничества и чиновного воровства. Так что, по сути, единственным и достаточным условием Kanzlerakt'a, откуда прямо вытекают все прочие его последствия, станет превращение России в безъядерную державу с сохранением этого статуса и в дальнейшем... Если только вообще останется время для выбора. Ведь в XXI веке по всему миру Воля к Безответственности (pathophobia) растёт, как на дрожжах; её максима: «Обвиняя всех, обвиняй даже Бога, но, ох, не обвиняй меня!». Ибо чем, скажите, кроме масштаба деятельности, отличаются политики и, в частности, пресловутое семейство Clinton, как малышня со спичками, играющие с «управляемым хаосом» и «гибридными войнами» в условиях стремительно ускоряющегося времени в напшигованном ядерными боеприпасами мире, чтоб за мнимыми происками врагов и победными фанфарами скрыть от избирателей многочисленные свои проколы в экономике, а то и прямое жульничество с миллиардами в пересчёте на золото, — чем отличаются они от упоротого пропойды Юрия Куликова, что ненароком убив в пьяной драке свою сожительницу, решил скрыть убийство за пожаром, как разновидностью несчастного (и страхового!) случая, и поджёг свою комнатку в трухлявом бараке; барак же, не дожидаясь приезда пожарных, тотчас сгорел дотла, унеся в могилу ещё семерых обитателей своих? Увы, ни чем! Поскольку в обоих случаях неравномерный и чрезвычайно спорый рост свободы одинаково глубоко сводит посредственность с ума; при чём надрыв способностей выступает здесь закономерным результатом непреодолимого для посредственности, при таком раскладе, искушения взвалить себе на плечи груз, в действительности неподъёмный...

3 У Р. Стивенсона, в «Острове сокровищ», врач и судья Ливси говорит пирату Билли Бонсу — прожжённой пьянице, только что перенесшему апоплексический удар: «Запомните, я говорю вам по чистой совести: слово „ром“ и слово „смерть“ для вас [теперь] означают одно и то же». Точно также и нынешним властьпредержащим (как, впрочем, и рьяным их противникам), всякая основательная наука уже фактически лет 60 твердит: «Слова «мировая

На правах рукописи отличающимся от них только декоративными составляющими. Ведь все три учения, по сути целиком утонули в руссоизме самого вульгарного толка, с его неизменно стержневой установкой, утверждающей, будто человек от природы добр и всё злое в нём — лишь гнусное следствие перегибов государственного насилия. Значит, по мнению либералов-нигилистов, совершенный надзирающий уже существует; просто его душу (Gemüt), подобно медному пятаку прежних времён, надобно очистить до золотого блеска зубным порошком свободы, устранив, оставленную несправедливым насилием, многолетнюю патину злонамеренности и подозрительности к окружающим. В действительности же человек, в огромном большинстве своём, просто мелок умом и потому зачастую равнодушен ко всему, что не касается его напрямую или выше его разума. И хлёткая сатира Ю. Нестеренко — неумного, в общем-то, человека... Но можно ль требовать скрупулёзной рассудительности от поэта?! — бьёт здесь, как говорится, не в бровь, а в глаз:

«„Ничего не запрещаем. Вот
Чем мы лучше жаждущих порядка“.
Это всё равно, что садовод
Тем гордился б, что не полет грядку.
Худо, если выполнят не тех,
Но отнюдь не самый факт прополки,
Без которой культ тупых утех
Непотребством заполняет полки».

Вы, возможно, спросите, каким образом у либералов левацкий романтизм совмещается с нигилизмом, раз, по собственному моему утверждению, нигилист это всегда — мелкотравчатый циник и никогда не романтик? А так и совмещается: в сугубо мелкотравчатом, пришибленно-гаденьком, характере их просветительно-освободительной деятельности, которую, на мой взгляд, если кому угодно остаться в рамках приличий, лучше всего обозначить немедким двухкорневым словом «Scheißeaufklärung»... Усердно выпекая, со скоростью блинов, всевозможных циников, эти идеологи, быть может не всегда и не

революция», «мировая война» и слово «светопреставление», в силу наличия огромных запасов ядерного оружия, с одной стороны, и вопиющей разницы уровня жизни беднейших и богатейших стран (и не только стран) планеты — с другой, означают теперь для землян одно и то же». Но выпивоха Бонс был насмерть сражён вторым ударом, поскольку вовсе не спешил полностью завязать с употреблением рома, так как ром большую часть жизни был ему «и мясом, и водой, и женой, и другом», т. е. ровно тем единственно до конца усвоенным образом жизни, каким является для капиталистической верхушки Земли любая разновидность мировой войны, как высшей формы передела рынков планеты (уже Наполеоновские войны были по совокупности de facto мировой войной), а для её противников — идея всепроникающей мировой революции, как лучшего средства уничтожения власти этой верхушки. Аналогия тут — до безнадёжности полная... Ведь спекуляция кредитами это, по сути, — единственный для империалистического капитализма способ определения перспектив собственного развития.

На правах рукописи вполне искренне, продолжают-таки надеяться на то, что в один прекрасный миг количество ими предпринятых просветительско-освободительных усилий перейдёт в качество и вместо махровых диников начнут выпекаться сверхлюди. Пишу: «не всегда и не вполне искренне», ибо когда дело доходит до нешуточной драки, теперешние либералы выставляют вперёд, в качестве первичной ударной силы, фашистов, ваххабитов или машину, т. е. силы, инородные либерализму вообще, что свидетельствует об отсутствии у неолибералов готовности умереть за свои убеждения и, следовательно, — о неискренности сих убеждений. Ввиду только что изложенного, тут необходимо присовокупить ещё и следующее. Не важно, с помощью чего властьпредержащие и примкнувшие к ним мнимые просветители оупляют обывателя: для этого равно пригодны и большой футбол, и христианство, и разнузданное половое «просвещение». Всё это, будучи «подаваемо к столу» регулярно и в большом объёме, одинаково отвлекает человека от пронидательного мышления, мешая ему обрести «мужество пользоваться собственным разумом», как к тому призывал И. Кант — величайший из действительных просветителей человечества, а равно и научиться до конца отдавать себе отчёт во всяком своём умысле, как всегда требовал от меня в детстве и отрочестве, прошедший гитлеровский плен и сталинские лагеря, мой, покойный ныне, дед по материнской линии, Георгий Григорьевич — главный инженер проекта в Ленгипрогоре. Настоящий просветитель (он же, как правило, действительно убеждённый либерал) калибра А. Д. Сахарова или Ю. М. Лотмана в настоящее время уже невозможен, коль скоро все: и властьпредержащие, и образованный слой, и обыватель, кроме самых глупых из них, разуверились в осуществимости предельного замысла Просвещения сделать большинство самостоятельно мыслящим в самом широком кругозоре. А без такого убеждения моральный настрой просветительства неизбежно подменяется восстановлением, в мировом уже масштабе, морального настроения поздней античности, кишмя кишевшей диничными проходимцами и развратниками всех мастей, — ведь, как и тогда, самая опасная доля ответственности перекладывается на плечи невольника. Демократия же, в условиях фактического всеобщего отказа от идеала просветительства, перерождается сперва в очень дешёвый балаган, все участники-клованы коего заняты, на-поверку, лишь отмыванием уворованного, а после — в полицейское государство с полностью автоматизированной всепроникающей слежкой за этими клованами. Но что делать, если столь высокий уровень самостоятельного мышления, пиком которого, несомненно, выступает идея Богосыновства⁴, определённая в форме штирнеровой инженерии (о чём —

4 Помните знаменитое павлово: «Раб не пребывает вечно в доме отца; сын [же] пребывает вечно.»? Согласно довольно-таки основательному мнению А. Кожёва, без этой, в высшей степени максималистской установки европейцы Нового времени никогда не решились бы развивать вглубь точные прикладные науки, тупо встав, подобно всем другим народам

На правах рукописи чуть дальше), превышает силы человеческого естества в его *eidos'e*?! И когда А. А. Блок — безспорно, величайший из чисто петербургских поэтов — пишет: «В последний раз на светлый братский пир / Сзывает варварская лира!» — он на редкость точен в определении сути дела, понимая под «мирою» не только и не столько Совдеп, как достаточно частную и при том предельно утопическую форму мировиденья, но и установку Всеединства вообще.

Так что Запад, по крайней мере, в его нынешнем состоянии, когда нигилистический либерализм царит во всех сферах общественной жизни и индивидуального быта, вполне может отойти на кладбище истории ещё раньше России, — значительно раньше. И, ежели всерьёз, что называется, запахнет жареным, могут спастись и они, пойдя на раздел сфер влияния по ялтинскому образцу, либо (пусть пока о том можно рассуждать лишь сугубо теоретически) вовсе на подписание своего *Kanzlerakt'a*, например, с Китаем, — в силу старого православного правила: «Не [так] враг силён, [как] мы слабы». Отступили же некогда, спасовав пред явным усилением Руси, ордынцы после продолжительного стояния на р. Угре!..

С другой стороны, как большинству людей не быть умственно мелкими, когда ещё буквально вчера, в до-машинном прошлом, слишком большая часть даже значительных событий их жизни зависела ни столько от них самих, сколько от стечения внешних обстоятельств, т. е. от уже упоминавшейся выше

планеты, перед лицом мировой трансценденции, как встаёт с кающимся видом старый евнух пред плотно запертыми дверьми гарема, откуда его третьего дня выперли за мелкую кражу. Но оттуда же, от установки Богосыновства, т. е. установки на равенство с запредельным, происходит, в сущности, и знаменитое деюленово «Дерзайте!» из речи, непосредственно придворяющей штурм Бастилии. Будучи стержнем неуёмного в своей любознательности европейского мировиденья («фаустовского духа», по известному словоупотреблению О. Шпенглера), эта установка *eo ipso* ещё не тождественна установке Всеединства, поскольку не считает путь познания уже целиком предрешённым и, потому, пройденным. Но она неизбежно отождествляется с последнею в конце своего развития, когда усталый от обрётённого могущества (*das Macht*), но так и не ставший равным Богу, Фауст восклицает: «Остановись мгновенье, ты — прекрасно!», — и сразу же вслед за тем умирает, перестав быть европейцем и став, по сути мировиденья, неолибералом. «Когда всё уходит из-под [нашей] власти, сделаем вид, что так и было задумано [с самого начала]» — гласит французская поговорка. В этой концовке, без преувеличения, главного для понимания европейского мировиденья романа — гениальное предвиденье И. В. Гёте. Ибо, в отличии от русского космизма, имевшего, к счастью, и вполне умеренное, достаточно содержательное направление, вроде учения того же К. Э. Циолковского например, а не только совершенно улётные мечтания полубезумного старца Н. Ф. Фёдорова, — неолиберализм с самого начала был, в качестве определённой формы мировиденья, сугубой химерою (в узко-гумилёвском смысле этого слова), где социально-метафизическая, *à la Robespierre* нетерпимость совмещалась с чисто скептическим безразличием к долгой перспективе вопроса у какого-нибудь Джэмса, — но, разумеется, с общим перевесом нетерпимости. А химеры, как известно, к долгой жизни не способны... Стать же частицею Русского мира Фаусту мешает вся ретроспектива его жизни, замешанная на вьёвшемся в самую его суть и уже ставшем априорным первенстве интересов лица над интересами общества в целом.

На правах рукописи гегелевской «хитрости мирового разума», а в ближайшем завтра, вероятно, ещё большее количество подобных событий будет зависеть исключительно от всевозможных роботов, чем дальше, тем больше способных к самопочинке. Убеждён: при сохранении нынешних темпов научно-технического развития планеты, возрастающая лавинообразно ответственность будет в самом недалёком будущем поручена роботу уже хотя бы в силу того, что вчера от сегодня отделено теперь слишком маленьким промежутком времени, в течении которого большинство определённо не успеет сколь-нибудь существенно поумнеть и, следовательно, надежды идеологов либерализма — несбыточны, в силу наступающего для человечества цивилизационного цайтнота. То есть налицо очевидное ускорение времени (пока только социального, но в перспективе наверняка и физического!), прямо пропорциональное росту свободы и обратно пропорциональное росту ответственности, ибо имеет место качественный скачок роста веллеровой энергопереработки, ускоряющий, в долгой перспективе, ход Вечного Возвращения. Вот почему необходимо признать наличие большой доли истины в словах дидуровского Гитлера, не очень, впрочем, отличного от исторического:

«Он указал рукою на полотна:
„Крах и удача вместе сшиты плотно
И потому вся жизнь — волшебный сон!
Вот сказочная быль у Кунерсдорфа:
Повержен Фридрих, но Фортуна вздорно
Притопнула и Vaterland спасён.“».

Стало быть в общем понятно, что в рамках мировиденья Запада сложилось к настоящему времени сугубо левадкое представление о человеке, как уже готовом или почти готовом совершенном надзирающем, тогда как русское мировиденье всегда имело своей основой представление о правде, как раз и навсегда готовой истине общежития. Эти два мировиденья в самом ближайшем будущем неизбежно должны, в связи с общим ускорением социального времени, либо схлестнуться в смертельной схватке, если и впредь властьпредержащие и образованный слой с обеих сторон «водораздела» будут столь же усердно, как нынче, напирать на их различие, состоящее в том, что правда русских, прежде всего — об общежитии, а западное либеральное представлении о человеке, прежде всего — о благополучии индивида, либо слиться во едино, ежели указанное различие будет снято в какой-то равнодействующей того и другого. Но даже такое их слияние, такой их синтез, как наверняка выразился бы здесь Георг Гегель, способно в последствии необратимо испакостить природу нашей планеты, что называется, по самое не-могу! И оттого всё чаще всплывают в памяти строки великого Р. Гамзатова: «Лёгкой жизни не проси у Бога. / Лёгкой смерти надо бы просить»...

Мне же в данной заметке остаётся лишь перейти к трансцендентальной диалектической критике Всеединства, чтоб с её помощью показать, как неправильное, т. е. метафизическое, а не диалектическое, применение установки Всеединства неминуемо влечёт за собой выпад понятия становления из мысленного кругозора.

Итак, приступим к диалектической критике... Если ускорение времени характеризуется сокращением и без того сравнительно кратких промежутков между моментами времени в целом, так что время на выходе данной тенденции, стремится схлопнуться в точку, которая, уже не будучи ни коим образом протяжённой («членораздельной», на языке биомеханики), есть абсолютная сплошность (die absolutische Totalität), то из этого надлежит сделать вывод, что установка Всеединства истинна лишь в диалектическом применении, т. е. применительно к стремящимся к абсолютным величинам тенденциям, вызванным причинами, находящимися исключительно внутри целого. Когда же эту установку пытаются применить метафизически, т. е. к тенденциям, чьи первопричины находятся вне целого, то результат основанного на таком применении расчёта бывает, как правило, ошибочен, в силу того, что абсолютный предел тенденции оказывается недостижим из-за инаковости её первопричины целому, внутри коего эта тенденция имеет место. Но корень логической ошибки заключается здесь отнюдь не в том, что иное в отношении абсолюта не может быть усвоено абсолютом, поскольку он ни в чём не нуждается, и так уже всем обладая⁵, а в том, что подлежащее, вообще-то, усвоению в будущем, уже сейчас полагается полностью своим, тем самым низводя понятие (Begriff) становления до пустой формальности, — почему даже абсолютно не подлежащее усвоению скоропалительно полагается всё-таки усваиваемым. И потому, безспорно, есть изрядная доля истины в утверждении П. Я. Чаадаева, из первого «Философического письма», будто в России никогда не было истории, поскольку историю он понимал преимущественно в шеллинговом смысле, т. е. как, прежде всего, постепенное становление правосознания частного лица, ибо именно правосознание лица всегда представляет собою вполне определённое выражение культуры самостоятельного мышления о свободе и об ответственности (если только действие лица, точнее, его восприятия (Antizipationen und Verstellungen), не

⁵ В частности, если какая-либо вещь способна, без необратимой утраты своих важнейших характеристик-качеств, достигать абсолютного температурного нуля, то это означает, что как определение данной вещи — а будучи только одной гранью понятия (eidos'a) при всей всеохватности последнего, определение всегда есть нечто одностороннее — встроено, наряду с прочим, в понятие абсолютного нуля, так и в понятие данной вещи встроено определение абсолютного нуля, и, следовательно, они не окончательно инаковы друг другу. При этом надо твёрдо отдавать себе отчёт, что речь идёт об одном из последних пределов мира, коих ipso facto вообще мало что достигает без гибельных для себя последствий.

На правах рукописи распространяется ещё глубже: «Личность определяет бытие как сущую действительность» — согласно комментарию Н. Лосского на «Три творения» святителя Григория Паламы), а это мышление и по сей день в России, даже у правящего общественного слоя, сплошь и рядом весьма неотчётливо. Но если России такое неотчётливое мышление о свободе и ответственности было присуще всегда, то Запад провалился в него только в XX веке, погрязнув в обоснованном установкою последовательного Всеединства вульгарнейшем руссоизме, только из-за того, что, не будучи в силах взять высочайшую планку, намеченного ещё Максом Штирнером, понимания свободы как бёмевского Безосновного (Ungrund), т. е. как абсолютного основания для безграничного инженерного творчества при безграничной же ответственности за своё творение⁶, по сути променял эту ответственность всемирного инженера на банальный комфорт зажиточного пенсионера, не оставив, к несчастью, прежних своих претензий на мировое учительство в вопросах политики и нравов. По всей видимости, Запад, в лице, прежде всего, своих властьпредержащих, решил, что раз штирнерова инженерия укоренена непосредственно в чём-то абсолютном, её конечная цель, а именно, благоденствие индивида в условиях планетарной демократии, всё равно когда-нибудь будет достигнута. Но так как абсолютным здесь выступает Безосновное Бытие («Sein» М. Хайдеггера), то в нём, наряду с правильным решением того или иного инженерного построения, сущего в качестве очередной ступени на пути к конечной цели, всегда присутствует так же и возможность ошибки. С другой стороны, ежели штирнерова инженерия, как непротиворечивое единение приблизительно равновеликих естественной и рукотворной форм разума в одном субъекте, ответственном за всё им содеянное, столь же недостижима⁷, как Святость Господня, по-Канту, вы можете не стремиться к

⁶ Субъект при таком подходе неуклонно стремится поступать так, чтобы максима его поступка могла выступить одним из положений всеобщего законодательства, — т. е. в соответствии со II формулировкой Категорического императива И. Канта. Следовательно, тут он поступает как полноправный хозяин мира, сын божий, а не как временщик-арендатор.

⁷ Хотя, скорее всего, правы те, кто утверждает, будто плановая экономика, со всеми вытекающими социалистическими последствиями её, не будучи осуществимою для естественного разума, всё же осуществима для разума рукотворного, в силу присущей последнему несравнимо большей степени самообладания и, соответственно, значительно меньшей подверженности его внезапной смене аффектов, — ибо в этом отношении человек, в огромном большинстве своём, не выделяется из остального животного мира. В самом деле, продолжительность жизни разведчиков-нелегалов в среднем значительно выше, нежели у лиц других профессий, так как профессия разведчика-нелегала более всякой другой, зачастую под страхом пыток и смерти, понуждает человека владеть своими чувствами, понуждая, следовательно, и к существенно большей размерности жизни вообще. Однако полагать, что эта технологическая тенденция рано или поздно непременно достигнет своего результата никак нельзя, по причине, прежде всего, вопиющей исторической близорукости правящей планетарной верхушки в отношении уже

На правах рукописи
ней в качестве своего идеала, избегая действий с долгой, напрямую вас не касающейся, перспективою. Но поступать-то при подобном раскладе так, будто достижение сего идеала у вас уже «в кармане», орудуя чем ни попадя в мало знакомом месте с ловкостью слона в посудной лавке, было в очевидной глупостью!.. В результате наблюдается очень печальная, ввиду её предельной взрывоопасности на выходе, тенденция, когда, чем сложнее всякая последующая ступень, тем слабей её защита «от дурака». Удивляться тут, тем не менее, решительно нечему: кругозор властьпредержащих, из-за всегдашней их мелкой грызни с ближайшим соперником за удержание властного кресла, обыкновенно простирается лишь немногим дальше кругозора обывателя среднего ума и среднего же достатка...

Однако какое действие с участием наблюдателя в качестве субъекта-деятеля, может быть столь жёстко предопределено исключительно внутренними причинами, чтобы его тенденция, всегда достигая своего абсолютного предела, подпадала под такое диалектическое применение установки Всеединства? В строгом смысле — никакое, кроме деятельности мира в его целокупности, ибо нет ничего, что бы выпадало за пределы мира, так как мир совершенно замкнут, иначе он не будет, равно как и всякая вещь вообще (см. рассуждение моё об аналитическом суждении в начале данной заметки), мыслим вполне отчётливо. Следовательно, всё, что выходит (gróodos) за пределы своего понятия (eídos), переходя на следующий уровень могущества (das Macht), всегда становится частью другого понятия, но не становится абсолютom (даже если следующий уровень могущества это — мир в целом), поскольку абсолют, будучи *causam sui*, всегда полностью самодостаточен. (Но именно в этом смысле сугубо классовое, некогда, противоречие вышло сперва на международный, а затем и на межвидовой уровень, — вопреки мнению И. В. Сталина, полагавшего такой оборот событий вовсе невозможным и оттого считавшего кибернетику вздором! — результатом чего стало до-нельзя необычное положение, когда, по выражению М. Кантора, по всей планете «левые стали правыми, а правые сошли с ума»). Выход на мировой уровень означает лишь, что вещь, как определение (т. е. грань, срез eídos'a — см. прим. 5 к этой заметке), есть его всегдашняя часть. Следовательно, наличное бытие (оно же вот-бытие, «Dasein» — в заковыристом словоупотреблении М. Хайдеггера) ещё не равно Бытию, ибо определённое вот-бытие это *ipso facto* — всегда равнодействующая всего находящегося с ним по-соседству, включая зазоры, т. е., — всего вот-иного. То, что Вечное Возвращение пребывает целиком внутри мира и мир до конца не прозрачен в своих причинно-следственных связях (в отличии от хрустального шара для гаданья), неизбежно создаёт у вообразяемого, внешнего миру, наблюдателя впечатление о упоминавшегося здесь фактора цивилизационного цайтнота, а главное, того неслыханного роста Воли к Безответственности, на фоне коего имеет место сей цайтнот. ...«И вырвались наружу из-под трона / Клубящиеся времена».

На правах рукописи неподвижности мира и, следовательно, — о его сплошности. Во всяком же ином, т. е. так или иначе частном, действии его субъект в какой-либо мере обособлен от него в силу того, что восприятие субъекта определено не только опытом сего действия, но и памятью о предшествовавших действию событиях, не входящих в перечень его непосредственных причин. Так например, разбирая исторический casus petri, о котором говорит Гитлер в приведенном выше дидуровском отрывке, указывая на картину баталиста А. Кодебу, всякий непредвзятый и проникательный ум обнаружит, что главной причиной возвращения Фридриху II земель, утраченных прусскою короной в результате Семилетней войны, стала отнюдь не смерть Государыни Елизаветы Петровны, вызванная объективными причинами, но фанатичное, на грани умопомешательства, германофильство сменившего её на русском престоле Петра III, обусловленное, в свою очередь, прежними ещё победами Фридриха, а также просветительской его деятельностью, несомненно, не имеющими прямого касательства к событиям последних лет этой войны. Если же главной причиной casus petri выступила смерть Елизаветы Петровны, то почему русская аристократия восприняла возврат наголову разбитому накануне неприятелю, земель, стóрицей оплаченных кровью русских солдат, как акт национал-предательства со стороны нового императора, что вскоре стало главным поводом для дворцового переворота, приведшего к власти юную Государыню Екатерину II? Отнюдь нет! Хотя кончина царственной тётушки стала, разумеется, тем последним камешком на весах Клио, без которого гнусный умысел задикленного на пруссачестве племянника никогда не набрал бы в русском обществе веса (principium benem fundatum), необходимого для того, чтобы стать действительностью. Ибо всюду, где идёт речь о чём-то выполненном (verwörglichen) умысле, бóльшую роль играет всё же причинность свободы, нежели причинность природы. Если же, как утверждают деционисты, умысел относится к разряду вымышленных сущностей и всё в мире происходит лишь в следствии побед и ради побед, т. е., пользуясь более современным языком, лишь по результатам энергообмена и для нужд его (любая цель, по их мнению, всегда выступает только прямым следствием прежних достижений), то совсем непонятно, как casus petri вообще оказался возможен, раз в результате возврата прусских земель, победившая в войне сторона лишь ослабла. Впрочем, умысел — тема уже для другого исследования, пусть и смежного с данным.

Добавление:

«Полное гнева, оно неслось, бурвя землю, грохоча, гудя и стня и по временам изрыгая из себя какие-то глухие, каркающие звуки. Хотя оно было ещё не близко, но воздух в городе заколебался, колокола сами собой загудели, деревья взъерошились, животные обезумели и метались по полю, не находя дороги в город. Оно близилось, и по мере того как близилось, время останавливало бег свой. Наконец земля затряслась, солнце померкло...

На правах рукописи
глуповцы пали ниц. Неисповедимый ужас (...) охватил все сердца. Оно
пришло... В эту торжественную минуту Угрюм-Бурчеев вдруг обернулся всем
корпусом к одепенелой толпе и ясным голосом произнёс: „Придёт“... Но не
успел он договорить, как раздался треск, и бывший прохвост моментально
исчез, словно растаял в воздухе. История прекратила течение своё».

Год назад, в очерке «Об усвоении», в вольной трактовке этого отрывка из
воистину провидческой повести М. Е. Салтыкова-Щедрина я высказался в том
смысле, что мир глуповцев погубило невообразимо (для их деспотичного
градоначальника) ускорившееся время. Эта, достаточно опрометчивая,
трактовка не учитывает не только того, бросающегося в глаза, обстоятельства,
что следствием ускорения времени никак не может быть его постепенная
остановка, но и того, что время, как таковое, не может быть преисполнено
гнева. Однако все эти качества, несомненно, присущи безумию, отлитому из
горечи всеобщего разочарования в мировидческой установке Всеединства (и
toto genere — Богосыновства, в неолиберальном его пределе) как попытке
поднять неподъёмное; ибо, как было показано выше, вот-бытие, в силу его
определённости, никогда не равно Бытию. Проникая капля за каплей во все
закоулки умственной жизни Русского мира и Запада, эта горечь сводит с ума,
ибо её заключительным вопрошанием всегда является парафраз возгласа
Старшего Плиния: «Лишённые свободы не родиться, неужели мы лишены
свободы (само-) уничтожиться?!». Это и есть, собственно, корень нигилизма!
В самом деле, если И. Кант утверждает, что всякий уничтожающий себя
субъект нравственности, уничтожает, вместе с этим, и всю нравственность в
явленном мире, — он утверждает это только в силу того, что в лице субъекта
здесь уничтожается и самая причинность свободы, сущность которой, по
выражению Георга Гегеля (каковое, в меру трансцендентального характера
предмета, всё же не противоречит учению Канта) состоит в снятии внешней
формы необходимости (см., в частности, §§ 4 и 7 Введения в гегелевскую
гимназическую «Пропедевтику», раздел для младших классов). Тот же, кто
занят исключительно овнешнением себя (equartée), своей свободы и
ответственности, отгораживаясь от Безосновного, как Волк из «Ну, погоди!» от
прораба-Бегемота, кирпичной стеною вот-иного, замуровывает собственную
душу (Dasein und Gemüt) в тесной купальне с горечью. Пропитавшись же
насквозь горечью душа, обрекает себя и своё овнешнённое на безумие
радикального смертоубийства (esse omnibus bellum omnium contra omnes),
так как здесь уже не осталось ничего, кроме горечи — ни свободы, ни
ответственности, ни, по большому счёту, умственной жизни; вот-бытие здесь
полностью ничтожит: «В Риме больше рабов, чем солдат в легионах. / И
порою мне кажется, все мы ничтожны / Перед этой громадою порабощённых».
А когда всякий видит в другом, прежде всего, отпетого прохвоста из-за того,
что у всех почти за душою не осталось фактически ничего, кроме
сиюминутных забот и страхов о своей «шкуре», недоговороспособными

На правах рукописи оказываются все участники как международного, так и общественного, договора, поскольку разобраться с шулерами любого рода можно лишь при помощи грубой силы, то бишь, в частности, — канделябров. Думаю, даже страх сокрушительного ответа, не всегда сможет удерживать их от соблазна первого удара, ибо, хотя глаза у страха очень велики, у отчаяния всё возрастающего недоверия, переходящего в безверие, они ещё больше!

Но если только кто-нибудь уделет в этой идеальной (*vielmehr, zu Volle übergehen*) резне, он, будучи ниц как церковная мышь, ибо почти всё овнешнённое обратилось в пепел, увидит Безосновное по-соседству с собою и потому имеет, в долгой перспективе, недюжинную возможность пойти в предельно нелёгком деле обретения свободы дальше сгоревших в резне бывших «хозяев жизни», ставших под занавес рабами своих же невольников. Такова вкратце суть того, что М. Хайдеггер именовал Со-Бытием, т. е. возврата вот-бытию общения с Бытием. «[Если хочешь узреть Бога], стань настолько бедным, чтобы даже Богу негде было поместиться» — советует Иоганн Экхард. Может ли мировое Со-Бытие произойти без того, чтоб ему предшествовала всепроникающая горечь нигилизма со всеми её всесокрушающими последствиями? Сильно сомневаюсь. Ведь для этого необходимо, чтобы задумка либералов прежних веков относительно всеобщего Просвещения не была изначально утопией. А это невозможно, прежде всего, в силу жёсткой членораздельности мира *eídos*'ов, где области естественного, противоестественного (а *prigri* чрезмерного; типа: «знал ведь, что столько пить ему вредно, а пил!»), искусственного (рукотворного) и, наконец, сверхъестественного (крайне маловероятного и при этом полезного) разграничены понятием качественного скачка — в огромном большинстве случаев весьма болезненного, меж тем как всему живому свойственно всемерно избегать страданий (*pathophobia*); так что, чаще всего, даже мышление о жизненно важных вещах происходит сообразно пословице: «Пока гром не грянет, поп не перекрестится». И ежели кто, при условии всеобщности *pathophobia*'и, берётся за то, чтоб, по вдумчивом рассуждении, непременно должно быть признанно неподъёмным, неосуществимым, то происходит это исключительно либо из-за острого голода (причём далеко не всегда пищевого!), либо из-за упоения былыми победами (оно — корень всего мифического⁸), поскольку и то, и другое, в состоянии одинаково лихо замутить даже развитую способность суждения.

Марат Салихов, 26. 7. 2017г.

⁸ Будучи топливом романтизма любого толка, мифичное (в узком смысле сего слова: «*tón mythikón*»), есть противоположный боязни страдания (*pathophobia*'и) настрой воления, как основного устремления умысла, — сиречь Воля к Величию, а не Воля к Безответственности. Но об этом, опять же, — в другом месте. Здесь же добавлю только, что, как понятие (*Begriff und eídos*), мировидческая установка есть мифичное национального уровня.